

ПУТИ КУЛЬТУРЫ

Понятие "культура" отличается необыкновенной сложностью; легче определить понятие "наука", "искусство", "быт"; культура — цельность, органическое соединение многих сторон человеческой деятельности; проблемы культуры в собственном смысле возникают уже тогда, когда соорганизованы: быт, искусство, наука, личность и общество; культура есть стиль жизни, и в этом стиле она есть творчества самой жизни, но не бессознательное, а — осознанное; культура определяется ростом человеческого самосознания; она есть рассказ о росте нашего "Я"; она — индивидуальна и универсальна одновременно; она предполагает пересечение индивидуума и универса; пересечение это есть наше "Я", единственно данная нам интуиция; культура всегда есть культура какого-то "Я".

"Я" культуры в себе мы не знаем; под "Я" разумеем обычно собрание чувственно-эгоистических импульсов нашей природы или абстрактное представление о "субъекте"; но проблемы "субъекта", "объекта" слагаются лишь в процессе сложения личности из примитивного коллектива, где нет еще личного "Я", а есть "Я" родовое; противоположение личности ("субъекта") обществу как носителю "объективных" начал культуры — субъективно; в обычном развитии субъективной культуры принимает участие сфера искусства; наука стоит же на страже критериев объективности.

Культура, непосредственно связанная с "Я" (с субъектом, а не объектом), там зрела, где наука и искусство начинают призывать друг друга; так: культура — в Гете, в Леонардо да Винчи; и нет ее в субъективациях крайнего импрессионизма или в объективациях науки: в техническом строительстве промышленной жизни. Еще мы не созрели до умения пронизать нашу науку "стилем" высокой художественности; мы или фантазеры, или инженеры жизни, а не демиурги творимой действительности; к чистой культуре мы еще только подходим; она еще

в процессе становления; и оттого-то неопределима она в технических понятиях современной науки, разлагающей организм в ряды механизмов; между тем культура организует, связывает, восстанавливает, интегрирует: самое понятие о ней еще не интегрировано в нас.

Но история становления "культуры" в положенном смысле рисует красноречивую линию образования себя в "культурах" отживших эпох и народов, где культура в намечаемом смысле находится в зародышевом состоянии.

Первый этап зародышевой жизни культуры — теогонический процесс; теогонии Китая, Индии, Персии, Иудеи, Египта рисуют нам историю высвобождения из рода, быта, народа — сперва личности, потом "Я" личности и, наконец: соединение "Я" личности с "Я" Коллектива; Коллектива; и — далее: Космоса.

Если бы отыскать образ, живописующий культуру Китая, то этот образ сжимается в одно слово, в Тао; впоследствии, в оформлении Дао-Дзы, это Тао становится: *всем и ничем, единством и множеством; оно — везде и нигде; это определение Тао есть прекрасная картина состояния сознания пра-китайца, у которого нет еще не только личного "Я", но и родового "Я"; как то, так и другое еще не спустилось из космоса; сознание пра-китайца есть космос; оно не обособилось в теле; его тело — внутри космического мирового "Я" мира; и это "Я" функционирует в глухом подсознании тела; китаец блаженно спит в своем теле; и это состояние блаженного сна в более позднем периоде отпечатывается в философских оформлениях Дао-Дзы.*

По древнейшим ведическим гимнам мы можем кое-что подсмотреть в состоянии сознания древнего индуса; в нем космическое неразделенное "Я" уже протянуло как бы свои лопасти, но не в личность и даже не в род, а в касту; есть уже "Я" касты, но нет еще "Я" личности; космическое "Я" уже затуманено мороком тела касты, заслоняющим древнему индусу старинное солнце; и лишь в вещающих Риши звучит голос вне-индивидуального "Я"; само сознание индуса напоминает воронку; его глаз видит не вовне, даже не внутри себя, ибо еще "само" индуса есть транспарант, сквозь который просвечивает "само" касты, в свою очередь пропуская сквозь себя вещание мировое взывающих, вопиющих, но не глаголющих Риши. Впереди, перед собой "око" индуса еще не видит чувственного мира в его конкретности, но лишь дым морока, Майю; позднейшая философия мира, как Майя ("Веданта"), покоится на физиологическом ощущении Майи; Майя — физиологична для индуса; индус — раздвоен; картина мира двоится в его двойном зрении, смешивающем впечатления, идущие извне, с впечатлениями, ждущими из космоса сквозь "Я" касты в его кровь; в более поздних раскрытиях философия Индии лишь формально преодолевает дуализм, ставя знак равенства между Атманом (Духом сознания) и Браманом (Духом мира). Культура Индии пронизана пассивною двойственностью стояния в точке пересечения безличного сознания с безличным миром; она не знает еще борьбы; в ней нет чувства времени.

Если мы сопоставим с этой культурой древнеперсидский период, то мы заметим: следующий шаг в процессе вставания космического "Я" в Майю чувственных разделений; древний перс желает покорить эту Майю; он ощущает ее как покров, под которым прячутся духи тьмы, ведущие борьбу с духами света; Майя для перса заколебалась и ожила; его "Я" еще не ощущает своей самостности, он ощущает себя как арену борьбы света с тьмой; свет врывается в тьму, тьма врывается в свет; его "Я" — плоскость трения — или борьба; так пассивный дуализм Индии

переходит в активный дуализм более поздних теорий (Ормузд, Ариман), определяющих культуру Персии; появляется впервые время; а с ним история; откровения позднейшего Заратустры черпаются уже из исторической борьбы света Запада (Ирана) с тьмою Востока (Ураном). Майя индуса здесь, в борьбе, как бы распаивается; и прорастает в Египте, где Майя есть Матерь — Земля, Плодородье, Изида, рождающая Горуса (младенческое "Я" личности, отражающее "Око" Париса).

В Иудее мы видим дальнейший рассказ о вращении космического "Я" в плоть жизни сначала иудей ощущает свое "Я" в роде; для него — есть "Я" рода, и Бог открывается сквозь кровь: "Я" — Бог Авраама, Исаака, Иакова; и потом уже Бог "имрека"; как для египтянина всякий есть в роде Озирис, так для иудея всякое "Я" в Аврааме; и сквозь него в Ягве-Элогиме; в Моисее видим реформатора, отрывающего иудея от древнего "Египта" культуры и повествующего о грядущем Боге, которого есть "Я"; это "Я" есть грядущий Мессия; обетование о личном бессмертии есть *то новое*, что входит в сознание в теогонической стадии формирования культуры.

Те же стадии по-иному пробегает и Греция; сперва в ней видим мы период до-человеческих змееногих титанов; "змееность" древнего грека есть указание на хвост, соединяющий его с прошлым; как в Иудее личное "Я" живет в потоке крови, хлынувшем от Авраама до "имрека", так в Греции личное "Я" есть хвост змеи, протянутый в прошлое мифической действительности; и лишь потом появляется младенец — герой, удушающий змею; этот младенец есть впервые рожденное сознание личного "Я", противопоставленного роду; орудие отсечения "Я" от рода есть впервые возникновение в Греции абстрактной мысли; этот период крепнущего личного сознания и эгоизма характеризует 6-й, 5-й век; личность впервые обособляется; в Греции возникает впервые социальная проблема в нашем смысле, противопоставляющая буржуазную культуру (культуру эгоизма) культуре сельских коммун; этот рост эгоизма и личности окрашивает последние столетия теогонического периода культуры, где она прорезывалась под покровом "культы".

Личность начинает противопоставлять себя обществу, "субъект" — объективному "коллективу"; оба стремятся к гипертрофии; "субъект" личности раздувается то в громадного эгоиста в чувственном смысле ("богача", "собственника"), то выдувается, как пузырь, из чувственной оболочки субъекта сознания; "объект", коллектива чувственно распухает в громаду Римской империи и одновременно защищается от трения личностей стальными абстракциями права; чудовищным смещением абстрактного единства объекта с чувственным единством личности является сперва: римский кесарь, потом папа; против государственного *Конана*, смешанного с произволом единой личности, поднимает главу гуманизм, в котором живет смутное ощущение "Человека" (с большой буквы); здесь, в одновременных концепциях индивидуальной утопии человека, как храма Космоса ж храма человечества, как организма всех в одном ("Civitas solis" Кампанеллы) встречают нас первые прорезы культуры в собственном смысле, снимающей противоречия личности и общества, субъекта и объекта в "Я" собственно, которое не есть "Я" личности, а — одновременное пересечение "Я" коллектива, "Я" мира и "Я" человека; но эта интеграция культуры не удается: гуманизм вырождается в буржуазную культуру наших дней, где искомое пересечение мира, Бога, коллектива и личности в индивидуум "Я" полагается в личности, только в личности: в "субъекты" Вандербильдов и Рокфеллеров, отраженных современной наукой и философией с ее учением

о границах познания, со всей системой заборов, перегородок и надписей "interdit"; отчего противоположное устремление культуры (другая ее половина) дезорганизует индивидуум "Я" в систему неживых механизмов; в "объективность" экономического материализма; в борьбе двух абстракции культуры "Я" (социализм с ложным идеализмом) обнаруживается весь компромисс традиционного правосознания.

Всемирно-исторический смысл культуры в органическом сочетании коллектива и личности, а не в смешениях того и другого; сочетание "субъективного" с "объективным" переходит в "слиянье" лишь в подлинном осознании "Я"; самосознания "Я" еще нет в нашей жизни; он в уразумении, что "Я" есть точка пересечения мира и личности, человека и Бога, коллектива и индивидуума.

Борьба эконом<ического> материализма с идеализированным фетишизмом ("Человеком" с большой буквы) с материальным идолом, надевшим маску идеала; те и другие подменяют понятие "идеал" понятием "капитал"; одни, обобществляя капитал, не видят, что обобществляют "идеал", другие, спасая "идеал", спасают собственный "капитал", под "духом" разумеют материю; другие — под "материей" разумеют дух".

Материя уничтожена современной наукой, а "дух" выдохся, сморщился до "апперцепции" Канта; пора выбросить этот "дух" субъективного "Я" и понять, что материальные, пункты суть центры сознаний, что мир, что природа — живой, социальный организм, что "Я", наше "Я", — организуя множества сознаний; и одновременно — атом тела Индивидуума Вселенной (личность, свободно вышедшая из своих границ, *индивидуализируется* в коллективе, а коллектив организуется в личностях, а не где-то между ними).

Раз в истории "Я" поднимало свой подлинный голос; и это было "Я" Христа; христианство — религия самосознающего "Я" — противопоставлено как всем культам, так и всей *"некультурице"* современного буржуазно-атеистического строя; но в истории христианства мы видам лишь "мимикри" дохристианских культур; история христианства — история детских болезней; борьба с христианством есть борьба одной половины нехристиан с другой половиною; для каждой — другая половина есть роковое "alter ego".

Культура есть христианство: христианство — религия самосознающего "Я". Таков взгляд на культуру Антропософии: культура есть Антроподицея, сочетающая Теодицею с Космодицеей. В уразумении этого — пути культуры.

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Тот круг мыслей, который я хотел предложить сегодня вашему вниманию, неоднократно в разной форме мною уже отчасти был высказан; частью он есть тема читанных; а также читаемых курсов, поэтому в одной краткой беседе невозможно очертить этот круг мыслей: с достаточной углубленностью. Некоторые стороны вот той постановки вопроса о культуре, которые я намерен развивать, требуют детального углубления, подчас анализа довольно отвлеченных философских понятий. Разумеется, в нашей сегодняшней беседе мы не пройдем по этим сложным, тернистым путям; моя беседа будет носить характер краткого ознакомления, как бы программы ненаписанной книги, и только всесто-

роннее обсуждение, неоднократное возвращение к затрагиваемым здесь вопросам может вполне приблизить к нашему сознанию основные мысли моей беседы.

Тема сегодняшней беседы — "Философия культуры". Самое заглавие вскрывает две важные проблемы — проблему философии и проблему культуры; поэтому и план построения этой основы задуман мною как раскрытие двух понятий, составляющих заглавие самой темы: что *есть философия*; что *есть культура*.

О философии можно говорить долго с разных точек зрения; можно очерчивать предмет философского познания так, как он вычерчивается современными научно-философскими методами, и можно идти другим путем; можно, бросив взгляд с птичьего полета на самую историю философии, посмотреть, как философия возникла и что с нею связывалось.

Если мы сопоставим два воззрения на философию, два взгляда — при этом один взгляд, так сказать, будет нам очерчивать философию так, как она текла в истории Греции, где она впервые получила свои отчетливые формы, — если мы сопоставим вот этот взгляд на философию с современными рассуждениями о задачах философского познания, то мы придем к двум концепциям философии, не имеющим друг с другом ничего общего.

Современная философия главным образом сосредоточивается на вопросе о том, *как мы познаем*. В то время как наука имеет дело с конкретными предметами, как, например, ряд естественных наук — ботаника имеет дело с растительным миром, т. е. с миром цветов, плодов, деревьев, минералогия имеет дело с миром минералов, физика имеет дело с законами тел, — все это конкретные предметы. Вот философия этих конкретных предметов не имеет, ибо ее предмет есть самые способы, какими мы достигаем какого бы то ни было познания; так, в данном случае тот способ, каким образом мы приходим к точным научным открытиям в минералогии; каким образом мы, планомерно поступая, приходим к возможности в астрономии приходиться к таким точным принципам, которые дают возможность предсказывать.

Таким образом, современная философия — в противоположность знаниям, которые, в большинстве случаев, имеют дело с вполне очерченным конкретным примером, — *есть знание, о знаниях*.

И если любая наука, имея те или иные задания, совершенно конкретные, служит двигателем человеческого развития, она уподобляется паровозу, везущему поезд прогресса; философия уподобляется тому машинисту, который, вооруженный теоретическими знаниями по механике, не только может управлять движениями поезда, но и знает законы, на основании которых при помощи пара паровоз развивает такую энергию, что начинает тащить вагоны.

Таким образом, современная философия главным образом сосредоточивается не на конкретных предметах, а на тех выводах, при помощи которых мы в науках лучше познаем. Таким образом, вся сила, мощь, тонкость, острота современных философских исследований заключается в анализе тончайших проблем познания.

А между тем философия, такая, какой она возникла в древности, не была этой строго очерченной наукой о науках, знанием о знаниях. Она была самым стремлением к мудрости, самой динамической деятельностью в нас, самой энергией стремления, самым пафосом, который заставлял нас что-то искать.

Философия. Недаром можно по-разному толковать это слово, но в самом слове "философия" вписано слово "София", что значит

по-гречески *мудрость*, и "филе" — *милая, любимая*; так что можно условно переводить философию как любовь к мудрости, как именно эрос, пафос устремления к мудрости, протянутость к мудрости. Таким образом, философия возникла в нас не как отдельная застывшая законченная дисциплина, не как абстрактнейшее рассуждение о предмете познания; при этом предметом познания всегда бывали формы так что некоторые современные философы философию способны определить как науку о формах, при этом формы эти являются теми познавательными формами, в которых отличаются науки, при помощи которых мы так или иначе формируем ту или другую науку. Возникла же наша философия иначе. Она была чисто активной деятельностью, она была жизненна, она сливалась с жизнью, она не противопоставляла себя общему жизненному потоку, она была в этом смысле не только всеобъемлющей, ибо из греческой философии постепенно как бы выкристаллизовались науки. Когда-то не было отдельных наук в том замкнутом, отчетливо друг от друга ограниченном виде, а область философии обнимала область возвышеннейших мифологических представлений, так и область, например, естественных наук. Всеобъемлющий характер философии был тем необъятным объектом, который силился объять все, что есть. Это была не форма, в которой все время знания выявлялись, это было самое стремление, движение, чаяние. В этом смысле она была любовью к мудрости, в этом смысле обращение к ней было как бы молитвенным, она была как *муза*, она была именно собственным именем, *Софией*. Впоследствии переменились задания философии, Уже после первых философских систем, например, когда мы берем ранние системы греческой философии, например, так называемых физиков, то мы видим, что те представления о космосе, которые лежат в основе их философского представления, они как будто, с одной стороны, кладут в основу стихию природы — воздух, воду, — но, с другой стороны, эти воздух и вода у Гераклита, они понимаются совсем не в том материалистическом смысле, как мы понимаем нынче, а скорее в символическом смысле. Так, воздух и огонь являются какими-то мифологическими божествами. Здесь нет еще разграничения на физику и на то, что после физики следует, за физикой, или, как то впоследствии стали называть, *метафизикой*. Здесь эти самые стихии являются стихиями природы, и вместе с тем эти стихии природы одушевлены. Так, например, один из греческих философов объясняет, почему у нас душа вообще одинаковая; "...мы надышались одним воздухом, у нас душа одна". Таким образом, воздух, которым мы дышим, не есть воздух в нашем смысле, по отношению к которому мы можем доказать его физические и химические свойства. Этот воздух является как бы *мировой душой*, в которой почиет основа мира.

Так, психология, мифология, физика, метафизика были некогда в одном целостном стремлении человеческого сознания. Это целостное стремление и было той протянутостью мудрости, всякой мудрости, которая, собственно, вдохновляла и воодушевляла на всякую философскую деятельность. Но уже с эпохи так называемых софистов, с Аристотеля главным образом, переместились задачи философские; философия уже не становится этой внутренней деятельностью души, этим любовным стремлением к познанию, этим стремлением органически и конкретно соединиться с познанием, так что, познавая воздух, я не только говорю об его свойствах; нет, познавая воздух, я вместе с тем вдыхаю воздух, усваиваю воздух. Моя душа есть произведение того, чем я надышался; я в каком-то смысле сливаюсь, и это слияние, органическое слияние, как

в браке мы видим известное любовное слияние и произведение этого слияния как новое органическое существо, так и философия. Философия была в этом смысле и художественным творчеством, ибо мифологический момент был в ней крепок. Самые первейшие системы философские, они развиваются из мифологии, из образного мышления. Когда вот так картинен мир, который стоит передо мною, когда я моим внутренним существом пытаюсь войти в эту картину и все то, что я рассказываю о мире я черпаю из себя, то лишь постольку, поскольку я сам в этом процессе усваивания вполне стою с открытой душой, без всякой предвзятости перед явлениями мира, и эти явления мира в моей душе отображаются, как в зеркале, — так что философия в этом смысле была художественно-творческим процессом. Характерно, что в самых ранних попытках философского мышления в общем мифологическом процессе, в творчестве мифов человек переживал и стремление к познанию, и стремление к красоте, и стремление к правде в одном деятельном порыве.

Но вот в более поздние времена переменяются эти задачи, философии как бы покрывается первым налетом того способа мышления, который впоследствии созрел и который в настоящую минуту мы называем *мышлением абстрактным*.

Замечательно, что, рассматривая ранние мифологические системы, ранние системы философии, мы совсем, не видим ясных, законченных, точных понятий; эти понятия даны всегда в образе, при этом сначала образ до такой степени доминирует над абстракцией, над отвлечением, что этот процесс, который у нас в голове в настоящую минуту определился как процесс мышления в понятиях, в силлогизмах, — перед человеком древнего сознания он разыгрывался иначе. Мысль жила в образе; разнообразный мир представлялся как божество: действие какого-нибудь божества на другое божество, какие-нибудь фантастические приключения; в конце концов они и были мышлением.

Впоследствии, когда явилась потребность переводить этот язык на другой и объяснять, что это — аллегория, а значит, она то-то и то-то, — это явилось позднее, когда у человека вполне укрепилось абстрактное мышление, которое потом все более и более вытесняло образное мышление. Мы видим и сейчас: человек более примитивный, когда он пытается какие-нибудь тонкие мысли высказывать, он жестикулирует, он вкладывает в то, что желает высказать, всю душу свою, он вкладывает мысль в самый пантомимистический жест, но впоследствии он начинает (не знаю, хорошо это или дурно, скорее, думаю, что дурно) совершенно бесстрастно, в отвлеченных понятиях выражать все то, что он может выразить иначе, образным языком.

Это погасание образности совпадает с погасанием мифологического периода философии, и вместе с погасанием этого периода сама философия, как стремление к мудрости, сама милая София превращается просто в Софию, *филе* отпадает, и уже возникает направление не философское, а *софское* направление, которое поистине называется *софизмом*, ибо софисты впервые начали задаваться вопросом не о том, что стоит за миром, какие последние цели имеет мироздание, из чего что произошло; они впервые задаются вопросом о том, *как мыслить, как доказать*, какими правилами нужно руководствоваться, чтобы спорщик мог доказать и этак и так. Но затем среди них появляются еще более углубленные философы, которые логику как искусство мыслить превращают в науки, которые говорят, что самое искусство спорить и обобщать ход мыслей и туда и сюда зависит от каких-то законов, что эти законы, в конце концов, описуемы, что одним из законов является силлогизм, что силлогизм имеет такую-то и такую-то форму.

По мере того как стали впервые сосредоточивать свое внимание на самый предмет философского мышления, философия становится абстрактной, впервые рождается отвлеченное мышление, впервые человек научается говорить понятиями отвлеченными, не прилагая при этом образов. Сначала мысль заключалась в образе, в басне, затем центр тяжести переносится от образов басни к толкованию, а это вот значит: умей прочесть здесь такую-то мысль, такой-то смысл. Наконец, этот смысл стал все больше отставать от своего образного содержания, и стали как бы сквозь микроскоп рассматривать, какие мы операции производим, когда истолковываем что-либо.

Так постепенно стала отлагаться та часть философии, которая в течение дальнейшего ряда столетий окрепла как логика. Таким образом, философия, все более и более ставшая софизмом, стала из стремления к мудрости — логикой, и в сложнейших философских заданиях самые эти задания определяются так, что философия называется *логикой наук*; она есть *мышление о мышлении*.

Таким образом, если бы я резюмировал в двух словах то, что сказал несколько распространено, то можно зарегистрировать, что философия возникла как становление, как закрепление какой-то жизни в нас, как стремление. Когда же появилось абстрактное мышление, то философия стала, остановилась, потому что абстрактное мышление отличается от мысли конкретной тем, что суждение от суждения, понятие от понятия отделены. Когда я высказываю какое-нибудь суждение, я перехожу от понятия к понятию. Я — человек; человек смертен; следовательно, я — смертен. В одном суждении "я — человек", в другом суждении — "человек смертен"; имея эти два суждения, я перехожу к третьему и говорю: "Я — человек, следовательно, я смертен". Таким образом, она сосредоточивалась главным образом на умозаключении, на суждении, на понятиях.

Возьмем эту схему*. Здесь я в графическом виде закрепляю то, что хочу сказать. Область философии была шире; она была общим стремлением у нас в душе, но по мере того, как жизнь философии концентрировалась лишь на одной стороне умственной деятельности, на абстрактном мышлении, на готовых кристаллизованных понятиях, она стала частью раннего объема; она стала занимать лишь отдельную часть этого объема; она — софизм, породивший логику, не философия в прежнем виде, а лишь половина философии. Другие стороны, стремление к творчеству выделились из философии и кристаллизовались в других областях; например, частью в мире искусства мы видим продолжение той же творческой деятельности, которая некогда была делом философской деятельности.

Итак, философия в более узком смысле, она отождествлялась главным образом с той способностью в нас, которую мы можем назвать способностью рассуждения, рассудком; философия стала рассудочна, между тем как область мысли шире рассудка; рассудок есть известная способность, известная часть всего того процесса, который нас охватывает, когда мы мыслим в более широком смысле слова.

Итак, сосредоточившись на отдельных формах мышления, на отдельных понятиях, философия занялась в последующих стадиях изучением законов соединения этих понятий: в ней, собственно говоря, произошел тот же процесс, как и в других науках. Долгое время описывали

* В оригинальном тексте графических схем не дано. — *Ред.*

растения; долгое время зоология описывала жизнь зверей; наконец, стали анатомировать, чтобы узнать физиологию, анатомию, внутренний состав растительных и животных организмов. Особенно с тех пор, как микроскоп и увеличительные стекла пошли, стали рассматривать эти растения под микроскопом, открыли разные ткани, увидели, что эти ткани состоят из отдельных клеток животных и растительных организмов, и на законе жизни, роста и размножения отдельной клетки мыслили видеть законы жизни для целого организма, для целого растения. То же самое произошло для философии. Философия стала строить картины мира, говорить о том, откуда все идет и куда все идет, но по мере того, как она сосредоточивалась на рассудке, а рассудок сосредоточивался на самых формах философии, самые вопросы о смысле, цели и мировоззрении переносились к способам соединения понятий и стали показывать, как в зависимости от жизни умозаключения, потом суждения и, наконец, понятия, спланивающие суждения, как от этой жизни зависят (как, например, от законов сплетения понятий зависят наши человеческие суждения), как от сплетения суждений зависят умозаключения, а от умозаключений зависит все наше мышление. Философия пришла к этому анатомизму; она от широких картин, от мирового целого перешла к этим атомам; этим кирпичикам, при помощи которых мы это здание строим. Как в химии молекула вскрывается и, оказывается, состоит из отдельных атомов, так новейшая философия вскрыла, анатомировала самый акт суждения. Можно сказать, что Аристотель, который был первым логиком, вскрыл нам жизнь умозаключений, но суждение, из которого умозаключение составляется, не было анатомически вскрыто, не было рассмотрено как бы сквозь микроскоп, и дело Канта заключалось в том, что он, вскрывши зависимость самого процесса умозаключений от сплетения понятий в суждение, показал, что все философские системы, так называемые метафизические, которые зависят от сплетения умозаключений, они зависят, в свою очередь, от состава суждений, которыми мы в умозаключении пользуемся, и, таким образом, он впервые вскрыл познавательный акт. Философия, таким образом, с той поры сосредоточивалась на физиологии и анатомии акта познания. Всякое суждение есть уже акт познания. Мы высказываем какое-нибудь суждение и всегда в этом суждении высказываем какое-нибудь познание. Кант показал, какая, — если мы этот акт познания возьмем, — в сущности говоря, тут происходит сложность, запутанность. И действительно, он, анализируя этот акт познания, это суждение, написал большую книгу, которую назвал "Критика чистого разума". Эта "критика чистого разума" переносит центр внимания от умозаключения к суждению, и, поскольку жизнь умозаключений, правильность умозаключений не подозревалась до Канта, постольку люди говорили: "Правильно умозаключая, я приду всегда к тем или иным реальным результатам". Кант же показал: "Правильно умозаключая, вам будет казаться, что вы приходите к реальным результатам, но до тех пор, пока вы не вскрыете умозаключения, вы никогда к реальным результатам не придете". Кант этим указанием уничтожил метафизику и показал, что вся сила внутренней жизни суждения заключается в том, что происходит, когда мы заключаем, и показал, что эти суждения, если мы их будем сплетать друг с другом без обращения к опыту, приведут к таким произвольным расширениям мысли, которые доказать нет возможности. Наоборот, если мы будем направлять их на какое-нибудь конкретное содержание, то мы можем научно мыслить. В конце концов философия стала известным способом анализа самой логики наук; она показывает, что происходит, когда мы мыслим: "Две величины, равные порознь третьей, равны между собою".

Таким образом, философия превратилась в знание о знаниях. То, что я хочу сказать, графически изображено здесь. В настоящую минуту наша наука зависит от того способа, которым мы оформляем те или иные знания; оформляем мы так — то мы приходим к методам, которые лежат в основе психологии, оформляем мы иначе — мы приходим к методам, которые лежат в основе физики. Новейшая теория знания говорит, что сколько отчетливых, конкретных наук, столько отдельных методов, что, прежде чем сводить то, что нам говорит психология, на физику или тому, что говорит физиология, придавать душевное истолкование, мы должны, прежде чем переводить данные одной науки к другой, — мы должны рассмотреть, как должны относиться методы одной науки к другой.

Таким образом, многие новейшие теоретики указывают, что наука зависит от метода. Научный метод может быть единообразным. Если графически изобразить красное как научный материал, а метод изобразить другой краской, то эту красную неоформленную массу я могу превратить в один из квадратов, треугольников, ромбов, кругов. И это оформление по-разному в конце концов и приведет нас к разным законам. В физике мы будем получать законы, которые говорят, что в основе лежит все механическое. Современная психология говорит, что психология независима от физических методов. И это оформление психических переживании неразложимо на известные механические данные.

Таким образом, науки своими методами один и тот же материал оформляют по-разному. Это зависит от того, что наша наука зависит от какого-то основного понятия научного. Так, если в основе одной науки лежит понятие о причинности, то мы и получим во всех научных открытиях этого рода принцип причинности, причинности, причинности и причинности. Если в основе данной науки лежит принцип, как Кант говорил, *взаимодействия*, или, переведа на новейший язык, — принцип *функциональной зависимости*, то во всех законах данного рода мы будем иметь принцип функциональной зависимости, функциональной зависимости и функциональной зависимости; в биологии мы получаем биологические законы, которые носят свой биологический определенный характер.

Так, оформляя материал треугольником, мы можем выписать пятиугольную звезду, но в основе будет везде треугольник. Из квадрата мы можем строить параллелограмм, но, в конце концов, те элементы, из которых эти фигуры будут строиться, будут всегда квадрат, квадрат и квадрат.

Таким образом, если сфера науки есть та сфера, где наша наука оформляет тот или иной материал, — сфера философии есть сфера, которая имеет предметом своим не этот оформляемый материал, *а те понятия*, которыми материал оформляется; поэтому она и есть наука о формах, лежащих в основе той или другой науки, и теория знаний современных форм философии и есть рассмотрение того общего формального философского принципа, который из некоего рассудочного единства рассматривает, в каких материалах и формах это рассудочное единство относится к тем или иным предметам.

Таким образом, то, что я сказал, графически изображает, что современная философия не есть стремление к мудрости, а есть знание о знаниях, рассматриваемые таким образом знания применяются к опыту, и поэтому эти знания имеют то такое оформление, то такое оформление, то такое оформление.

Таковой стала философия в наши дни. Из этого явствует: философия в наши дни не отвечает на вопрос о жизненном смысле, и если мы

подходим к современной философии для того, чтобы спросить, а чем нам жить, какой смысл имеют наши стремления, то современная философия или, вернее, логика философии, а не философия, половина философии ответит так, вы будете строить так-то и так-то, то вы получите ответ о жизненном смысле такой-то, а если вы будете строить так-то и так-то, то вы получите другой ответ. Стало быть, вы получите столько ответов о жизненном смысле, сколько есть основных форм познавательных, сколько есть материалов.

Или, если сказать иначе, новейшая философия нас лишает вопроса о смысле; смысл бессмыслен, законы, вопросы о смысле стали в современной философии бессмысленными, ибо стремление иссякло. Эрос, динамика — все это отжившее ничто, а смысла живого нет; есть научные теоретические рассудочные смыслы.

Наше "Я"?

А наше "Я" есть только форма, которой я связываю различные формы. Наше "Я" есть субъект, оно есть форма, и ничего более. Но этот субъект не имеет никакого отношения к моим стремлениям; это субъект познания. Во всяком познавательном организме тот же он, но неиндивидуален, он безличен. Вот ответ современной философии.

Таким образом, если философия есть путь жизни, если она возникла как путь жизни, то она стоит перед нами в настоящее время как *беспутьица*, как праздная спекуляция, может быть, очень интересная в познавательном отношении и много дающая в познавательном отношении, но ничего не дающая в наших конкретных человеческих устремлениях.

Наоборот, все конкретное, что когда-то было сферой философии, стало сферой наук: философия лишилась своего собственного предмета. Вот к чему мы должны прийти. Поэтому философия культуры, в этом смысле взятая, что есть? Она есть *каталогизация* всего того, что есть сфера культуры, и поскольку сферой культуры является сфера того или иного законодательства науки, быта, религиозных представлений, нравственных представлений, постольку философия культуры есть каталог этих изделий нашего познания, этих форм наших знаний, а философия культуры есть тот музеевед, который всю человеческую жизнь разбивает на отдельные элементы. Все дельное он разлагает по роду и выставляет в определенных камерах,

Таким образом, если действительно философия, как мы ее определили, есть культура, есть все то, что человеческие знания, что человеческая жизнь, как изделия, изготовили в многообразии своих форм, то философия культуры, в этом смысле взятая, уподобляется действительно тому парадоксу, который сейчас представляю вашему вниманию. Как бы вы назвали того, кто роман "Война и мир" начал бы изучать с точки зрения статистического подсчета в романе "Война и мир" букв а, б, в, г, произвел бы неимоверно трудный и точный статистический подсчет по частям, главам и страницам всего того, что формирует слова, из которых слагается смысл. Как, бы вы назвали того, кто сводил бы смысл главы к отдельным фразам, выделенным из текста, фразы — к отдельным словам.

Например.

"Любовь зла не мыслит". Это — имеет смысл. Я выделяю слово "любовь". Я могу пустить слово "любовь" в другом сочетании: "любовь и смерть". Таким образом, могу ли я слово "любовь" выделять из данного контекста?

Далее я произвожу процесс, чтобы понять слово "любовь", надо понять, из каких элементов оно состоит. Слово "любовь" состоит из Л,

которая есть такая-то буква алфавита, из Ю, которая есть такая-то буква алфавита, и т. д. Таким образом, чтобы понять, мы должны твердо верить, что мы постепенно осязаем, только видя, мы осязаем, когда видим начертанное слово "любовь" и т. д., мы осязаем "любовь", но, осязая буквы алфавита, мы не осязаем слова.

В сущности говоря, философия культуры нашего времени, если бы я действительно имел возможность перед вами вскрыть ту или иную философию культуры, сводится к очень почтенной деятельности — к каталогизации сферы человеческой деятельности и планомерному описанию всего инвентаря человеческого творчества, человеческого производства, где и мышление, и деревянный петушок вырезанный — все рассмотрено с точки зрения изделий рабочего или изделия и понятия человеческого — и резной петушок, и машина.

Таким образом, современная философия культуры есть инвентарь и планомерное перечисление в известной системе всех этих изделий человеческих. И поскольку философия заведует, контролирует самый предмет деятельности, постольку и философия культуры есть не что иное, как рассмотрение целостной человеческой жизни и творчества с точки зрения составных элементов.

Разумеется, такая культура, такой инвентарь, такой музей превращали человеческую сознательную жизнь в каталог, в музей, а между тем таков именно философский подход к культуре в большинстве философии.

Здесь под культурой разумеется не самое человеческое творчество, не самая динамика жизни, не самый целостный пафос устремления, а берется именно сфера законодательства, эстетики, истории — различные сферы, которые становятся знаниями.

И вот классификация этих знаний и является классификацией предметов культуры, а дать точную классификацию — уже науку образовать, как объясняют нам современные философы. Между тем культура начинается там, где мы имеем связь знаний, связь различных проявлений человеческой деятельности.

Вот там, где можно сказать, что есть известное соответствие между стилем построения мысли, стилем здания философских систем и архитектурой, что есть связь между готикой такого-то столетия и тончайшими психологическими системами того времени, есть связь между моральной жизнью человечества и между эстетическими, художественными и другими его выявлениями, вот там, где мы пытались все эти разные стороны человека брать в неразрывной целостности, в словах, а не в буквах алфавита, где мы старались из самих слов строить фразу человеческого развития, где мы самые фразы и культурный период настраивались рассматривать с точки зрения связного романа, — там философия культуры встает перед нами как написание гениального романа гениального художника. Этим гениальным художником является человечество. Все шествие человечества действительно уподобляется творческому процессу. Для этого мы, когда берем книгу, мы не имеем права рассматривать ее вне связи слов со словами. Все то, что мы так или иначе творим или познаем, в известном смысле есть знания. Например. Когда я творю известное художественное произведение, когда я отображаю в мраморе какой-то душевный процесс, который во мне происходит, я опознаю этот душевный процесс, когда я по образу и подобию его строю известную видимую форму.

В конце концов, если мы назовем те или иные творческие процессы сознания процессом знания, то культура, как нераздельная, целостная

связь знаний, определяется тем, что она есть *знание чего-либо в связи с чем-либо*. Оно мыслимо лишь как жизнь сознания, ибо сознание, первое его чисто внешнее определение, — это есть знание чего-либо в связи с чем-либо, причем центр, связующий знания, неразложим, и этим неразложимым центром является голова.

Таким образом, культура (вот мы подходим к первому элементарному понятию о культуре, которое вам покажется парадоксальным, но которое я не могу обосновать в краткой беседе со всей углубленностью, я принужден сегодня говорить в кратких построениях парадоксальности) — вот это определение, что культура определяема как связь знаний, как организм знаний чего-либо в связи с чем-либо, и не мыслима без сознания.

Культура есть не всякая жизнь человека, не выявление всякой жизни, а только жизни сознательной, ибо жизнь вообще есть природная жизнь, есть биологическая жизнь. Культура противопоставляется природе как известное жизненное творчество, оформленное, сформированное сознанием, т. е. каким-то органическим центром, который связует отдельные знания в нечто целостное.

Таким образом, если мы так элементарно подойдем к понятию культуры, свяжем это понятие со знанием, то отсюда же можно сделать целый ряд самых разумнейших выводов.

Во-первых, философия есть одна сфера человеческого знания; наука есть другая сфера человеческого знания; история — третья; бытовое творчество — четвертая; эстетика и т. д. — все это отдельные, в широком смысле говоря, знания, отдельные производства человеческой сознательной жизни. Культура же есть организм, организация этого производства.

Как начало, как коллектив знаний в этом смысле, с понятием культуры выявляется нечто, что не может измериться в отдельном знании. Здесь и философия, и история, и бытовое творчество рассматриваются на фоне того целого, того связующего, что неразлагаемо своими отдельными частями. И этим связующим является именно та жизнь, которую мы можем назвать жизнью человеческого сознания.

И вот, поскольку наука все более и более сосредоточивалась на знании, на той или иной сфере знания конкретного, связанного с определенной сферой, постольку философия в современном смысле стала познанием, т. е. *после знания*, то есть она есть то знание, которое рассматривает не предметы знания, а самые знания, самые формы знания берет (например) как предмет, поэтому я вкратце могу сказать, что философия — предмет и *познания* (я могу для краткости так выразиться), — она всегда была *после знания*. Она предполагает целый ряд знаний, оформленных, имеющих свои пути изысканий.

Но философия лежит в сфере культуры как производство и познание среди различных других элементов, составляющих культуру, как, например, искусство, бытовое творчество, правовое творчество и т. д., и в этом смысле сознание не зависит от познания. Сознание есть та неделимая целостность, которая не может быть раздробленной на свои составные части.

Если бы сознание зависело от того или иного знания, то рука, например, могла бы съесть своего человека. Отдельное, оторванное от целостного организма человеческое знание часто пытается заглотнуть весь организм. Как мы знаем, семь тощих коров проглотили семь толстых и от этого не стали толще.

Это стремление абстрактных философов, которые сосредоточились на чисто рассудочном уяснении познавательных форм, это стремление

философии в том смысле, который я определил как логику нашего времени, когда это стремление пытается заглотнуть область более живую, широкую и быть философией культуры, то оно и приводит к этому уродству, которое я в двух словах отметил; оно режет по живому организму человеческого сознательного творчества, не собирает, а разлагает известные неделимые связности, отдельные части, а эти отдельные части, в свою очередь, на другие отдельные части, т. е. производит ту работу, которую произвел бы статистик, который пожелал бы объяснить "Войну и мир" подсчетом букв алфавита, который сказал бы: "Война и мир" состоит из тридцати шести букв алфавита, где буквы А стоят в таком-то отношении к буквам Б и т. д. Но тогда можно сказать, что и "Капитал" Карла Маркса состоит из 36 букв алфавита, и Евангелие состоит из 36 букв алфавита. И тогда к чему книги писать, если все книги можно разложить на 36 букв алфавита и исчислить статистическое отношение между буквами в "Капитале" Маркса и "Войне и мире".

Это не есть объяснение, а между тем действительно многие думают, что объяснили явление, когда они производят такие уродства, когда они живой организм убивают, затем начинают ощупывать его члены и затем говорят, что человеческая физиология движется так-то, по таким-то законам. В конце концов такое происходит там, где все отдельно организованы, и культура есть именно организация человеческого творчества в сознании, ибо сознание в этом смысле является знанием чего-либо в связи с чем-либо.

Таким образом, то, что я сейчас вкратце отметил как характеристическую черту культуры, это я могу показать чисто графически вот на этой схеме. Если каждая линия этого многоугольника, порознь взятая, адекватна какому-нибудь знаку, то, кроме того, каждая линия многоугольника есть линия, которую можно измерить; но она нас интересует в другом смысле — нас интересует, какое место она занимает в фигуре, поэтому из всех линий вычерчивается эта конфигурация.

Я могу сказать, что не только здесь есть 8 линий, которые могли бы лежать параллельно, но тут эти 8 линий так ложатся, что они вычерчивают восьмиугольник. Поэтому можно сказать, что эта линия есть верхняя линия восьмиугольника, а эта — нижняя линия восьмиугольника. Пусть эти линии похожи одна на другую, но они занимают совершенно разные места. Положение их определяется целым восьмиугольником.

Теперь перевожу этот образ к тому, что я говорил. Сознание или знание чего-либо в связи с чем-либо именно и есть та неразложимая целостность, та неразложимая фигура, которая совершенно видоизменяет отношение отдельных частей, потому что философия может иметь свои методы и психология свои методы, но связь этих методов в сознании человека, в целостности, в неразложимости должна быть. Философия является на фоне целого, история является на фоне целого, и это целое является человеческим сознанием.

Таким образом, поскольку философия, поскольку она в наши дни приняла вид этих логических отвлеченных спекуляций, постольку философия пытается всю культуру подчинить своим методам, постольку философия культуры является каталогической бессмыслицей. Но философии культуры не можем противопоставить другое нечто. Мы можем так поставить вопрос, что самая философия на фоне культуры может видоизменить свой основной смысл. Мы можем на самую философию смотреть как на *культуру мысли* и самое построение в истории философии, философских систем рассматривать как известные этапы упражнен-

ного человеческого сознания, где нас будут интересовать не взгляды на то, какими винтиками мы пользовались, когда соединяли понятие с понятием, а нас может интересовать стиль наших концепций.

Поскольку философские системы являются отображением целостных стремлений человеческого мышления, поскольку Аристотель с десятью категориями и другие, определяющие эти категории, являются в философском смысле выразителями того греческого храма, которого вся красота и стиль заключаются в колоннаде и над колоннадой возведенном фронте, поскольку можно говорить о том, что тот гений, который создал греческую колоннаду и эту постоянную фигуру, тот же гений отобразился в архитектонике философского мышления, в логике такта и т. д.

Таким образом, когда мы говорим: "Философия культуры", мы не должны забывать, что здесь философии культуры противопоставляется нечто другое — история культуры мысли, как история крепнущего человеческого самосознания, где смысл и все прочее находятся в неразложимой связи, в неразложимом единстве, и это единство, это знание чего-либо в связи с чем-либо есть всегда неразложимое, автономное, свободное человеческое знание. Сознание неразложимо, и культура, если она не желает быть музеем, если философия не желает быть охранительницей памятников старины, она всегда является философией крепнущего человеческого самосознания, которое автономно и свободно.

В этой свободе и в этой автономности, в этом росте человеческого самосознания и лежит, и коренится тот ритм, который дает нам возможность самые культурные эпохи рассматривать как шаги некоего единого организма, который мы можем назвать не только в биологическом смысле человеком, но и в другом, самосознающем смысле мы можем назвать этого человека *челом века*. Культура есть признание этого *чела*, этого единства и нераздельности человека.

То, что я говорил, изображено графически на этой схеме, для того чтобы закрепилось в вашем сознании. Вот треугольник, вот и здесь треугольник, и здесь треугольник, и здесь. Но вот здесь есть три треугольника, и больше ничего. Здесь он есть вершина пятиконечной звезды. И я могу дважды характеризовать эту фигуру. Объяснение, что это есть вершина пятиконечной звезды, есть объяснение в культуре, потому что это объяснение треугольника как одной сферы какого-то знания в связи с целым, а объяснение треугольника — это есть механическое. Я могу сказать, что эта пятиконечная звезда есть сложение пяти треугольников. Так что в конце концов треугольник в этой фигуре есть треугольник, затем вершина пятиконечной звезды.

Но вы можете представить пять треугольников один за другим и пять сложенных так, что они образуют эту фигуру, а не другую. Скорее, это целая пятиконечная звезда в этой более сложной фигуре есть часть. Она находится в еще более сложной фигуре. Наконец, вся эта фигура — пятиконечная звезда в этом треугольнике. Так что в конце концов треугольник в этой фигуре есть треугольник, затем вершина пятиконечной звезды и, в-третьих, то есть средняя часть треугольника и, наконец, он есть такая-то часть пятиконечной звезды. Я могу еще более и более усложнять эту фигуру, и треугольник каждый раз будет являться все в новом и новом аспекте.

Вот таким образом культура, все более и более расширяя круг звания во все более и более сложные конфигурации, объединяя эти знания, все более расширяет человеческое сознание, так что самосознающее "Я" ощущает себя в центре все большего и большего коллектива.

Таким образом, мы можем говорить об индивидуальной культуре. Мы можем говорить о том, что у известных крупных мыслителей, как, например, у Льва Толстого и у Фридриха Ницше, могут встречаться и схожие мысли, но Фридрих Ницше не похож на Льва Толстого, потому что даже при встречающихся у них схожих мыслях в общем и целом их мировоззрение находится в совершенно обратном положении. Таким образом, можно говорить о стиле философии Толстого, о его культуре.

И далее. Поскольку Толстой является лишь пятиугольной звездой в более сложной конфигурации, постольку сумма Толстых образует то, что мы можем назвать русской культурой, культурой русского самосознания. Так, мы можем говорить о народной культуре, о культуре известного класса, о культуре эпохи. Это все будет положение, так сказать, тех же элементов. Потому что и Толстой читал того же Канта, научился, как и все мы, грамоте, но все то, что он учил, получило в его философии своеобразное значение, потому что он эти элементы связывал в конфигурации в целостном сознании по-своему. Также несомненно и сознание известного народа.

Таким образом, мы можем говорить, что культура имеет путь. Культура начинается там, где отдельные знания, как буквы Л, Ю, Б, О, В и Ъ, мы начинаем известным образом сливать, буква Л есть буква Л в слове "Любовь". Поэтому в другой конфигурации и буква Л может быть в слове "лютик". Слово "Любовь" мы можем сказать в сочетании "любовь и смерть", "любовь зла не мыслит" и т. д.

Таким образом, когда мы определим, что культура есть целостность конфигурации знаний, то мы можем определить, что эта целостность конфигурации знания имеет свой путь, имеет свой рост, и мы можем говорить о двух разных культурах, подобно тому как в бесконечной сложности сочетания мы возьмем 8 точек и от каждой точки проведем линию ко всем точкам, то получим очень сложную фигуру. Сначала вам эта фигура покажется хаотичной, она есть просто какое-то перекрещивание линий. Но в этой сложности и запутанности линий здесь синим вычерчена одна фигура. Из той же путаницы линий я зачертил другие линии, и получилась другая фигура. Но и эта фигура в этой путанице линий не последняя. И все эти узоры находятся в одной сложности.

То, что я наглядно показал на этом рисунке, применимо и к культуре. Культура начинается с того, что мы известные знания известным образом связываем, так и получается определенный стиль фигуры. Другой связывает иначе. Но в конце концов в этой сложности находится потенциально бесконечное количество индивидуальных соединений линий, разные стили.

Так вот, я хочу сказать, если бы мы сделали опыт упражнения и старались бы в этой фигуре различные фигуры видеть и потом связывать так, чтобы сразу две фигуры видеть, то мы могли бы представить себе такой гениальный взгляд, который одновременно всю сложность сочетания фигур увидит, и мы могли бы понять, что смысл культуры заключается в сочетании единства в многообразии. Это одновременное существование индивидуальных сознаний, не растворяющихся абстрактно в общей сложности.

И когда мы мыслим себе предел сложности знания культуры, то мы мыслим себе именно такого рода усложнение индивидуального сочетания все тех же элементов знания, которые, все более и более оставаясь индивидуальными, расширяют наше сознание и расширяют наше самосознающее "Я", и это расширяющееся в нас сознание отделяется от своей замкнутой оболочки.

Так, я могу взять один узор, вычертить его и вместе с тем увидеть его здесь на фоне всей сложности этой фигуры, вот так точно в культуре я могу, расширяя свое самосознание, расширяя жизнь того центра, который во мне стоит как самосознающее "Я", все с большим и большим правом говорить не "Я", а "Мы", потому что мое индивидуальное "Я" будет все более и более переживать совершенно свою связь с другим коллективом, ибо мое "Я" есть не только "Я" — оно есть организованный коллектив, оно есть единство, многообразие в потенции.

Подобно тому как во мне мое сознание связывается, крепнет только тогда, когда оно, в конце концов, связывает многообразия личных явлений, постольку само "Я", индивидуальное "Я", расширяя сферу самого сознания, все более и более чувствует себя как бы вне стоящим, как бы стоящим вне самого себя, потому что когда я могу говорить себе "Я", то я это "Я" перевожу как Ты еси". "Я — это Ты".

Вот в этом утверждении "Я — это Ты" есть древнее утверждение санскритской мудрости, когда ученики на известных стадиях расширения их личности действительно органически сопереживали, не абстрактно переживали ближнего по абстрактным проблемам, которые связывают его с ближним, а переживали своего ближнего во всей его, ближнего, индивидуальной особенности. Это та же способность, как способность на фоне общего целого одновременно сопереживать и пятиконечную звезду, и другие фигуры, которые вместе переплетаются, так что обе эти фигуры связаны общим фоном.

Таким образом, мы подходим к одному кардинальному вопросу, который выясняется из понятия культуры. Если понятие "культура" связано с понятием сознания, то расширение сознания поведет нас к расширению понятия культуры. Возникает вопрос о путях культуры: "что есть путь культуры". И мы видим, что этими путями культуры не могла бы быть биологическая жизнь, ибо культура есть не природная жизнь, а это есть жизнь, проведенная сквозь горнило сознания. И вместе с тем мы не можем сказать, что эта жизнь не может определяться теми материальными предметами, которые образуют сознание, ибо сфера материальных предметов есть сфера знания, а культура есть знание чего-либо в связи с чем-либо. Следовательно, если я культуру определяю каким-нибудь материальным предметом, то этим самым я тощую корову заставляю проглотить толстую корову, потому что познание есть толстая корова, связующее целое, которое не содержится в своей связи.

Таким образом, культура не может определяться биологической жизнью, не может определяться тем, что дает знание, потому что знание есть человеческий организм культуры. Культура определяется только тем, что не лежит в сфере знания, познания и материальной природы. Этим началом, как бы мы ни определяли это начало, методом изыскания может быть только то, что является центром самосознания.

Если культура есть сознание, если это сознание мы должны мыслить как некую неразлагающуюся самосознательность организма, то определяющим путь культуры является центр самосознания, и этим центром самосознания может быть не что иное, как человеческое "Я", но это "Я" в таком положении не может быть "Я", связанным с тем или иным биологическим процессом. И не может быть это "Я" тем "Я", которое называют философы "субъектом познания", ибо философский субъект лежит вне этого центра самосознания, этого неопределимого природой и неопределяемого даже познанием в его абстрактной сфере начала.

И вот, чтобы показать всю эту своеобразность такого понимания "Я", медленно восстающего в процессе расширения сознания, не как мне

принадлежащего как эмпирическому существу, не как мне, Борису Бугаеву, принадлежащего и не принадлежащего также моему литературному псевдониму Андрей Белый, я должен сказать — ни тому, ни другому не принадлежит этот процесс, определяющий культуру, а он является расширенным началом, которое медленно, в процессе культуры, т. е. в процессе сознания, в процессе *самопознания* прорезывается внутри, в центре этого сознания, как нарождающийся младенец, как второе какое-то "Я"; которое гораздо шире обычно понимаемого "я", которое, в сущности говоря, заключает в себе также и коллектив, и всякое "Мы", и всякие отдельные субъективные "я".

Вот учение о начале нашего самосознания, коренящегося в так переживаемом и медленно в нас восстающем "Я", это учение и есть, в сущности говоря, учение о "Я" как духовном начале.

Когда мы говорим "духовное начало", мы сталкиваемся с понятием "дух", но сейчас же мы сталкиваемся с целым рядом понятий, которые превратную философию и отжившую мифологию противопоставляют человеку, так что этот дух, вне меня лежащий, за природой находящийся. Краткая беседа не позволяет мне достаточно углубленно вскрыть, что мы можем назвать духом, т. е. то начало, которое не мирится с тем, что мы называем в себе психической жизнью сознания (ибо наше сознание есть знание чего-либо в связи с чем-либо). Это начало не может быть предметом знания.

Стало быть, это "Я", в нас так рождающееся, как центр самосознания, в итоге расширения культурных путей, это "Я" может быть как начало не телесное и не душевное. И вот, чтобы выразить эту свою реальную природу, "Я", которое, может быть, только полагаемо как внедушевное и внесознательное (ибо сознание нематериально, ибо материальные предметы есть сфера науки), — это "Я", так понимаемое, и является тем "Я", которое мы можем пока назвать духовным началом.

Когда говорят "духовное" — это духовное противопоставляют как нечто, в нас лежащее, как некое божество, таящееся за природными явлениями мира, или, наоборот, как нечто отвлечённое, потому что когда говорят "духовное", то очень часто под этим подразумевают коренящуюся мысль. Все наши представления о духе, чувственные представления, носят мифологический характер. Под духом разумеют бога, одетого ризами природы, под природой же разумеют материальную природу, И этот бог отделен от нас природой, так что мы никоим образом не можем постигнуть его.

Такое понимание породило в истории философии ряд превратных метафизических систем, которые носили названия реализма, но этот реализм отжил свое время. После Кантовой критики такого бога метафизического бога нет.

С другой стороны, под понятием духовного мышления подразумевали нечто сверхчувственное и таким сверхчувственным полагали мысль. Под мыслью разумели то понятие, которое вскрывают логика и теория знания. Но и это есть превратное.

Таким образом, этот дух являлся рассмотренным сквозь телескоп понятий и являлся понятием о понятии. Он являлся чем-то, что лежало в основе философии как какого-то метафизического единства; то он являлся почти на двух ногах, одетый ризами природы, от нас отрезанным.

То и другое понимания духовности, метафизическое и пантеистическое, или, говоря другими словами, рационалистическое и реалистическое, отжили свое время. Ныне мы можем говорить о "я" в том смысле,

как я это "Я" вычерчивал, т. е. как о начале самосознания, как о том, что является самым определенным стимулом культуры, это "Я" обладает таким признаком, что этот суэгенерис, противопоставляемый теории и душе, можно пока назвать абстрактным, духовным.

Вместе с тем все представления о духе, как духе, отдаленном от нас природой, или о духе, превратившемся в понятие, которое имеет в себе как бы абсолютную реальность, — все эти представления в настоящее время отпали. .

Таким образом, если возможно конкретное знание духа духовного, то это конкретное знание духовного духа возможно только в конкретном углублении во внутреннюю жизнь нашего "Я".

Суммирую вкратце, что я сказал. Философия культуры в отвлеченном смысле не может существовать, потому что тогда она превращается в музееведение. Самая философия берется в культуре, культура же есть связь знания со знанием. Но культура как сознательная жизнь имеет, как мы видим, путь, и этот путь культуры не есть путь биологический, и он не может определяться путем той или иной материальной культуры, поэтому слова "материальная культура" — бессмысленное сочетание слов. "Материальная культура", предмет материи, материя как предмет, — есть предмет науки о материи, есть элемент, входящий в эту целостную конфигурацию, которую мы назвали культурой. Поэтому понятие культуры в этом смысле духовно. Но этот дух есть "Я", в нас рождающееся. Философия культуры в этом построении может быть только философией духовной культуры. Учение о материальной культуре есть не учение о культуре, а учение о том или ином знании. Таким может быть взгляд на культуру сквозь очки науки о материи, может быть взгляд на культуру сквозь очки отвлеченной философии, но этим взглядом противопоставляется самая культура как *процесс роста самосознющего "Я"*.

Таким образом, мы подходим к вопросу о том, может ли быть всечеловеческая культура. Культура рождается как индивидуальная связь; она крепнет и растет как культура народная. Можно ли выйти из всех народных культур в культуру общечеловеческую? Это и есть вопрос о том, можно ли видеть вот эту фигуру на фоне этой сложной фигуры. Так наше индивидуальное сознание, расширяясь в сознании народа, является все более сложным сопряжением отдельных фигур в таких целостностях, на фоне всей целостности. Всей целостностью является именно весь объем раскрытого "я". Но это "я", индивидуально переживаемое в нас, не есть то обычное "я", которое мы испытываем. Это есть какое-то окрепшее "Я", которое в нас рождается, когда мы вторично родимся <...>.